

Ахим РАБУС (Фрайбург)

ПЕРЕВОД ИЛИ ПЕРЕНЕСЕНИЕ? ДУХОВНЫЕ ПЕСНИ МЕЖДУ ЯЗЫКОВОЙ САКРАЛЬНОСТЬЮ И ПОПУЛЯРНОСТЬЮ

Восточнославянские духовные песни XVII–XIX вв., так называемые канты, главным образом распространившиеся на территории Юго-Западной, а также Угорской Руси среди православных и греко-католических христиан, являются весьма любопытным предметом изучения для ученых разных специальностей. Об этом свидетельствуют монографии о кантах, а также издания кантов, увидевшие свет в прошлом десятилетии. Наряду с различными филологическими исследованиями, сосредоточенными на тексте или языке песен¹ вышла и музыковедческая монография². Популярность жанра не случайна: она восходит к тому, что канты с разных точек зрения занимают гибридное место, с языковой точки зрения они находятся между сакральным церковнославянским языком и народным, староукраинским или, в другой терминологической традиции, так-называемым рутенским языком или, соответственно, простой мовой³. Кроме того, с территориальной точки

¹ D. Stern. *Die Liederhandschrift F 19-233 (15) der Bibliothek der Litauischen Akademie der Wissenschaften*. Köln—Weimar—Wien 2000 [=Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe B, 16]; P. Žeňuch, C. Vasil', SJ. *Cyrillic manuscripts from East Slovakia. Slovak Greek Catholics: Defining Factors and Historical Milieu*. Roma—Bratislava—Košice 2003; P. Žeňuch. *Kyrillische paraliturgische Lieder: Edition des handschriftlichen Liedguts im ehemaligen Bistum von Mukachevo im 18. und 19. Jahrhundert* [=Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe B, 23]. Köln—Weimar—Wien 2006; A. Rabus. *Die Sprache ostslavischer geistlicher Gesänge im kulturellen Kontext* [=Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, 52]. Freiburg 2008.

² Ю. Медведик. *Українська духовна пісня XVII–XVIII століть* [=Історія української музики: Дослідження, 15]. Львів 2006.

³ См. D. Bunčić. *Die ruthenische Schriftsprache bei Ivan Uževyč unter besonderer Berücksichtigung der Lexik seines Gesprächsbuchs Rozmova/Besěda* [=Slavistische Beiträge, 447]. München 2006. Бунчич убедительно показал, что в XVII–XVIII вв. нельзя говорить о двух различных литературных языках Белоруссии и Украины. В семнадцатом веке существовало лишь один совместный литературный язык — именно простая мова или рутенский язык. Относительно характерных черт этого языка см. М. Мозер. Что такое простая мова? // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 47 (2002/3–4) 221–260; М. Moser. Mittelruthenisch (Mittelweißrussisch und Mittelukrainisch): Ein Überblick // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 50 (2005/1–2) 125–142. Подробный анализ языковых особенностей кантов предоставляет А. Rabus. *Die Sprache ostslavischer geistlicher Gesänge*.

зрения, канты не могут быть причислены единому народу или единой территории; они появляются в различных регионах, начиная с Польши на западе до Москвы на востоке. Поэтому канты можно охарактеризовать термином «Wanderliteratur» (т. е. странствующая литература)⁴. С конфессиональной точки зрения они находятся между традициями западных и восточных церквей. Источниками вдохновения для них являются как православная литургия так и западная популярная набожность.

Представленная вниманию статья обсуждает вопрос о языковой реализации кантов в зависимости от типа и происхождения их источников. Применяя различные образцы кантов, обсуждаются специфические тенденции, переменные и факторы влияния. Источниками служат песни, включенные в издания Штерна, Женюха, а также Яворского⁵.

Анализ тех песен, которые находились под влиянием западных источников, кажется особенно интересным⁶. При этом, влияние осуществляется в подражании западных форм или концептов, а также в прямом переводе или парафразе западных песен.

Латинские источники

При анализе кантов, тематикой которых является Плач Марии, некоторые из этих влияний оказываются релевантными⁷. Итак, существует духовная песня — № 67 в издании Штерна, — которая представляет собой прямой перевод латинского *Stabat mater*⁸. Переводчик этой секвенции должен был решить задачу адекватного перевода текста, составленного в западном сакральном языке (латынь), в соответствующий славянский идиом. Следовательно, результат его перевода, рутенская песня под заглавием *Предста м(а)ти болѣзненна*

⁴ H. Rothe. *Paraliturgische Lieder bei den Ostslaven, besonders Ukrainern (Östliche Liturgie und westliches Kirchenlied) // Sprache und Literatur der Ukraine zwischen Ost und West* / ред. J. Besters-Dilger, M. Moser, S. Simonek. Bern—Berlin 2000, с. 17–31, с. 19. Относительно дальнейших импликаций этого факта ср. А. Rabus. *Ostslavische geistliche Lieder zwischen Wanderliteratur und Regionalkultur // Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina: Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag* / ред. D. Christians, D. Stern, V. S. Tomelleri. München 2009, с. 475–486.

⁵ D. Stern. *Die Liederhandschrift F 19-233 (15)...*; P. Žeňuch. *Kyrillische paraliturgische Lieder*; Ю. Я. Яворский. *Материалы для истории старинной песенной литературы в Подкарпатской Руси* [=Knihovna Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském Ústavu v Praze, 8]. Praha 1934.

⁶ Ср. Ю. Медведик. Латино-польсько-словацькі елементи в українській духовній пісні // *Musica humana* / ред. Ю. Ясіновський 1 (2003) 251–260.

⁷ Ср. Ю. Медведик. Рецепція словацького канціонала Cantus Catholici (1655 р.) в українській паралітургічній творчості другої половини XVII–XVIII ст. (до проблеми дослідження) // *Cantus Catholici a duchovná pieseň 17. storočia v strednej Európe* / ред. L. Kačić. Bratislava 2002, с. 155–166.

⁸ Ср. А. Rabus. *Ostslavische geistliche Gesänge*, с. 287 и далее.

отличается тем, что она составлена крайне высоким, по сравнению с иными духовными песнями, стилем. Язык песни — почти чистый церковнославянский, напр. *Кто естъ людинъ, иже аще/ Не плачет' са, м(а)т(е)рь зраще/ В толицы томленіи* (3.1f.). Обнаруживается сочетание весьма сложных, с синтаксической точки зрения, языковых элементов, напр. *иже аще*, а также причастие *зраще*. Такие формы ни в коем случае не могли появиться в разновидностях народного, рутенского языка. Кроме того, появляются многочисленные архаичные формы прошедшего времени. Наряду с аористом *предста*, в заглавии обнаруживаются некоторые формы имперфекта, напр. *страдаше* (1.2) или *трепеташе* (2.4). На уровне лексики бросаются в глаза такие элементы, как вышеупомянутая форма *толицы* или *Коль* (3.4).

Итак, очевидно, что переводчик этого варианта песни, используя сакральный, церковнославянский язык, стремился к воспроизведению языковой сакральности западного, латинского оригинала.

Однако, стремление сохранить сакральность западного образца не зависит от того, что оригинал является Плачем Марии, а именно от того, что оригинал является латинским текстом.

Ибо существуют дополнительные варианты этой песни на рутенской почве, которые, с точки зрения содержания, также являются переводом *Stabat mater*. Один вариант находится в Камянском богогласнике 1734 г. (в издании Женюха), другой в Ивановецком песеннике 1863 г. (в издании Яворского). Однако, эти версии не переводились непосредственно с латыни, а предположительно с западославянского образца⁹. Итак, нам известны четыре славянские версии: одна переведена прямо с латыни, две рутенские, ориентирующиеся на западославянские образцы, и словацкая из *Cantus Catholici*. В дальнейшем сопоставляются первые две строфы каждого варианта.

	Stern 67	Žeňuch 297
1	Предста м(а)ти болѣзненна,	Стала м(а)ти болѣюча,
2	Кр(е)сту; слезми орошенна,	под кр(е)стом ревне плачуча;
3	Егда ей с(ы)нъ страдаше.	коли с(ы)нъ ей оумераль;
4	Еаже д(у)шу стенащу,	Котрой д(у)шу въздыхаючу,
5	Оскорбленну и болащу,	смуток и жал поносачу
6	Мечь болѣзній пронзаше.	мечь болести проникалъ;
7	Ѡ коль драхла и смущенна,	Ѡ акъ смутна и страплена
8	М(а)ти она преблаженна,	[была] пребл(а)гословена
9	Бъ единородаго.	М(а)ти с(ы)на такогѡ

⁹ По Женюху, версия Камянского богогласника является переводом песни из словацкого песенника *Cantus Catholici* с 1655г. Относительно второй версии Яворский пишет: «Перевод с чешскословацкого или польского (ср. лат.: *Stabat Mater dolorosa*)?» Там же, с. 193. Нам не удалось обнаружить упомянутые Яворским «чешскословацкие» или польские источники.

10	Яже тужаше, болаше,	Котра с(е)рд(е)чне болѣла
11	Трепеташе, егда зраше,	коли обецне видѣла;
12	Страсть с(ы)на свободнагѡ.	срого скатованагѡ.

и

	Яворский 64	Žeňuch 654
1	Стала Мати зармущенна	Stála Matka litugjcy,
2	подъ крестомъ и расжаленна,	V drewa Krýže plačýcy.
3	когда терпѣлъ Христось Спась.	Když na nem pñel Krystus Pán.
4	Сердце ей зармущенное,	Gegýžto srdce žalostné,
5	жалостиво болесное	Zarmúcené, a' bolestné:
6	двоострый мечь проразиль.	prorazyl Meč, z obú strán.
7	О, якъ смутна и жалосна	O yak smutná a' žalostná,
8	была Мати всемилостна	Byla tá Matka milostná,
9	ради Сына своего!	Pro Syna gediného
10	Горко квила и жалѣла,	Genž kwýlila, a' želela,
11	замлѣвала, коль видѣла	Wsse strnula, když widela,
12	Сына умученнаго.	Tý muki Syna swého.

Приведем также латинский текст:

1	Stabat mater dolorosa	7	O quam tristis et afflicta
2	Iuxta crucem lacrimosa	8	Fuit illa benedicta
3	Dum pendebat filius,	9	Mater unigeniti!
4	Cuius animam gementem	10	Quae maerebat et dolebat
5	Contristatam et dolentem	11	Et tremebat, cum videbat
6	Pertransivit gladius.	12	Nati poenas incliti*.

Поражает языковое расхождение трех кириллических версий. Все языковые переменные, реализующиеся в варианте у Штерна церковнославянским образом, в рутенской версии Камянского богогласника реализуются бесспорно в вернакулярном языковом регистре. Примечательно исключительное употребление форм л-перфекта, напр. *Стала* (1)¹⁰ или *болѣла* (10); церковнославянские формы имперфекта (или аориста), очевидно, избегались. Кроме того, достойна внимания вернакулярно-восточнославянская реализация восходящего к прасл. **tj*-суффиксу причастия настоящего времени действующего залога как в *въздыхаючу* или *поносачу* (4, 5) в отличие от церковнославянской реализации с <щ> в *стенащу* или *болащу*. На явно разные языковые уровни также бесспорно указывают разные окончания

* Цит. по: D. Stern. *Die Liederhandschrift*, с. 515.

¹⁰ Нумерация следует представленным в данной статье перепечаткам песен из вышеупомянутых изданий.

прилагательных родительного падежа единственного числа на *-agw* или *-ogw*, соответственно (напр. 12), а также релативизаторы *Еаже* в отличие от *котрой* (4)¹¹, не говоря уже о лексике.

Версия песни, которая находится в издании Яворского, с точки зрения языка менее однозначна. Правда, появляется вернакулярная форма л-перфекта подобно другой рутенской версии в издании Женюха. Однако, в отличие от той версии вариант в издании Яворского показывает <щ> вместо прасл. *tj¹² (зармущенна), а также церковнославянское окончание прилагательных родительного падежа единственного числа *-ago*¹³. Таким образом, рутенский вариант песни, находящийся в издании Яворского, показывает типичный для жанра кантов маркированный, поверхностно церковнославянизированный рутенский язык¹⁴. Вариант Камянского богогласника, однако, с точки зрения языка является совершенно вернакулярным.

Соотношение рутенской версии в издании Женюха (*Žeňuch* 297) и словацкой версии из песенника *Cantus Catholici* является сложным и неоднозначным: Очевидно, можно обнаружить некоторые сходства (ср. напр. *Стала м(а)ти* в сравнении с *Stála Matka* (1) и *О якъ смутна* в сравнении с *O yak smutná* (7)). Также употребление народно-языковых элементов, напр. л-перфекта для обозначения прошедшего времени (*проникалъ* в сравнении с *progazyl* (6)), соединяет эти две версии.

На макроуровне, однако, относительно сходств с латинским оригиналом, наличествуют многочисленные отклонения (ср. *коли с(ы)нъ ей оумераль* в сопоставлении с *Když na nem pňel Krystus Pán* (3), а также *срого скатованогоw* в сопоставлении с *Tý muki Syna swého* (12)). Поэтому неправдоподобно, что рутенская версия является прямой копией или непосредственным перенесением из словацкого языка¹⁵; наоборот, более вероятно, что рутенские авторы, применяя и другие источники, явно переработали словацкую версию.

В частности, словацкие и рутенские книжники решили вопрос о формальном совпадении (а также с точки зрения содержания) с латинским оригинальным текстом различным способом.

Чтобы достигнуть как можно более точного совпадения с латинским текстом, необходимо точно следить за размером стиха, а также за рифмой оригинала (четырёхстопный трохей; первая и вторая, четвертая и пятая, а также третья и шестая строки рифмуются). Кроме того, близость к латинскому тексту могла быть осуществлена стремлением к подстрочному переводу.

¹¹ Рутенские релативизаторы анализируются в работе A. Rabus. *Die Relativisatoren im Ruthenischen // Wiener Slawistischer Almanach*, Sonderband 74 (2009) 155–168.

¹² Это явление типично для языка жанра кантов Ср. Rabus. *Die Sprache ostslavischer geistlicher Gesänge*, с. 186 и далее.

¹³ Ср. A. Rabus. *Die Sprache ostslavischer geistlicher Gesänge*, с. 241 и далее.

¹⁴ Ср. A. Rabus. *Die Sprache ostslavischer geistlicher Gesänge*, с. 278 и далее.

¹⁵ Ср. P. Žeňuch. *Kyrillische paraliturgische Lieder*, с. 654.

Рутенская версия песни *Žeňuch* 297 отличается высоким уровнем формального совпадения с латинской версией. Бросаются в глаза причастия действующего залога *вздыхаючу* (4) и *поносачу* (5), точно совпадающие с латинскими формами *gementem* и *dolentem*, а также причастие страдательного залога *страплена* (7), точно совпадающее с латинской формой *afflicta*. Во всех указанных местах, словацкая версия, с точки зрения формы, отстывает от латинской версии путем употребления десубстантивных прилагательных *žalostné*, *bolestné* и *žalostná*. Тем временем, рутенская версия совпадает не только с латинской а также с церковнославянской.

Существуют две возможных интерпретации близости рутенской и церковнославянской версий. Во-первых, возможно независимое возникновение рутенской и церковнославянской версий благодаря их совпадению с латинской. Во вторых, можно было бы предположить, что переводчик рутенской версии был знаком с церковнославянской. В пользу этой альтернативы говорит совпадение обеих версий на стр. 3, в которой помещены однокоренные слова *болѣзній* и *болести*, чтобы произвести дополнительные слоги. И латинское сказуемое *pertransivit* и подлежащее *gladius* проявляют намного более слогов чем соответствующие славянские формы, поэтому в славянских вариантах необходимо было произвести дополнительные слоги.

Итак, рутенская версия *Žeňuch* 297 следует примеру не только словацкой версии — с точки зрения вернакулярности языка — но и церковнославянской — с точки зрения формальных параметров. Нельзя с уверенностью установить прямые зависимости, но формальная близость к церковнославянской версии позволяет предположить, что переводчик был знаком с этой версией.

* * *

В версии песни, перепечатанной у Яворского, с одной стороны, обнаруживаются очевидные сходства со словацким текстом, однако, с другой стороны, имеются и значительные отклонения. Бросается в глаза соответствие строк *О, якъ смутна и жалосна/ была Мати всемилостна* (7–8) с словацкими *O yak smutná a' žalostná, Byla tá Matka milostná*. Кроме того, в строках 4–6 (*Сердце ей зармущенное/ жалостиво болесное/ двоострый мечь проразилъ и Gegýžto srdce žalostné/ Zarmúčené, a' bolestné:/ proražyl Meč, z obú strán*), все прилагательные и глаголы с точки зрения этимологической принадлежности совпадают.

Тем не менее, различные расхождения (напр. в стр. 2 или 12) дают основу полагать, что и версия у Яворского не является прямым перенесением словацкой версии¹⁶. И в этой версии явно заметен самостоятельный творческий замысел рутенского редактора.

¹⁶ Проверить вышеупомянутое предположение Яворского о возможном влиянии польского образца на эту песню не было возможным.

Так как из-за значительных отклонений нельзя решить все текстологические вопросы окончательно, действительными оказались лишь результаты языкового анализа. Подводя итоги, с точки зрения языка возможны совершенно различные способы перенесения исконно латинских песен в православную среду. Одним способом перенесения из западной *lingua sacra*, латыни, является применение восточной *lingua sacra*, церковнославянского языка¹⁷. Другим способом является решительно вернакулярная (или гибридная церковнославянско-рутенская) реализация песен, возможно, с учетом версий, перенесенных на народный идиом уже в римско-католической традиции, напр. на словацкой почве.

Песни, имеющие претексты исключительно на народном языке

Анализируя перенесение исконно польской песни *O duszo wszelka nabożna* в православную среду (латинского оригинала нет), обнаруживаются разные стратегии.

	Pieśni postne starożytnie		Žeňuch 301
1	O duszo wszelka nabożna	1	О д(у)шо всака набожна
2	Ku miłemu Bogu skłonna	2	къ милому Б(о)гу склонна;
3	Weyźrzy ná Syna Bożego	3	возрїй на С(ы)на Б(о)жого, срого замордованного;
4	Ná zbáwicieleá nášego.	4	на збавителя свого;
5	Oglądaj ná Krzyżu jego	5	Огладай на кр(е)стѣ его
6	Sromotnie zawieszzonego	6	сромотнѣ завѣшеного
7	Okrutnie rościągnionego	7	за всѣх шат шбнаженного; оцтомъ з желчу поенного:
8	Wszystkiego zekrwáwionego*	8	вшиткого закрвавленного (3)**

Рутенская версия явно, чуть ли не слово в слово, ориентируется на польскую. Обнаруживаются преимущественно изменения на фонологическом и морфологическом уровнях, напр. *miłemu* > *милому* (2) или деназализация *Oglądaj* > *Огладай* (5). Здесь речь идет о перенесении с одного народного языка (польского) в другой (рутенский). Создание собственной, существенно различающейся от польского варианта рутенской версии, кажется, не имело большого значения.

Рассмотрим еще другие варианты песни:

¹⁷ Явно и консеквентно церковнославянские переводы латинских оригиналов находятся в разделах С и D издания Д. Штерна (*Die Liederhandschrift*); ср. и А. Rabus. *Die Sprache ostslawischer geistlicher Gesänge*, с. 286 и далее.

* Цит. по: D. Stern. *Die Liederhandschrift*, с. 510 и далее.

** В рутенской версии Камянского богослужения обнаруживаются пять строк в каждой строфе. Лишняя по сравнению с польским оригиналом строка перепечаталась вместе с предыдущей строкой. Изначально, строка *вшиткого закрвавленного* находилась на третьем месте соответствующей строфы.

	Stern 65		RNB Pog. 1974
1	О д(у)ше всака вѣрна,	1	О душо вшелка набожна
2	Ко б(о)гу нелицемѣрна,	2	Ку милему богу склонна
3	Призри на Хр(и)ста едина,	3	Вейзрзишь на сына божего
4	Б(о)га предвѣчнаго с(ы)на.	4	На збавицѣла нашего
5	Смотри на кр(е)стѣ распата,	5	Оглондай на крзижу ѣго
6	Не милостивно пропата	6	Сромотнѣ завѣшеного
7	Без литости оуязвлена,	7	Окрутнѣ роспогнионего
8	И всего шкривавленна*.	8	Вшиткѣго зекрвавленого**.

Перепечатанный в правом столбце вариант взят из московской рукописи конца XVII-ого столетия. Можно охарактеризовать этот вариант как прямую транслитерацию с латинского алфавита на кириллицу. Примечательно, что переписчик пытался воспроизвести польский диграф <rz> в кириллице; ср. *Вейзрзишь* (3) или *крзижу* (5)¹⁸.

Более любопытным является перепечатанный в левом столбце вариант¹⁹, приписанный Дмитрию Ростовскому. Эту версию можно охарактеризовать явно церковнославянской на всех уровнях языка. На уровне лексики церковнославянизмами являются, среди других, *нелицемѣрна* (2) или *предвѣчнаго* (4). На морфологическом уровне явно церковнославянским признаком являются формы аориста (напр. *растерзаша* и *проліаша*, 4.3f.), а также формы дуалиса (*Руцѣ честнїи и нозѣ* (5.1)); примеры находятся вне перепечатанного отрывка).

Вариант Ростовского — в отличие от вышеупомянутого варианта *Žeňuch 301* — проявляет сознательное разграничение от польского оригинала, но не на горизонтальном уровне — т. е. путем рутенизации —, а на вертикальном — т. е. путем сакрализации. Итак, и при наличии вернакулярного — в конкретном случае польского — оригинала нельзя предсказать языковой результат перенесения в православную среду. Возможны и вернакулярная и церковнославянская версии. Однако, упомянутая последней версия является маркированным исключением. Обнаруживается тенденция, что сакральный оригинал, составляемый в *lingua sacra*, при прямом, непосредственном переводе также реализуется в *lingua sacra*. Наоборот, существует также

* Цит. по: D. Stern. *Die Liederhandschrift*, с. 508. Не воспроизведенные в настоящей работе строфы см. там.

** Цит. по: D. Stern. *Die Liederhandschrift*, с. 510 и далее.

¹⁸ Подобный способ правописания или транслитерации любопытен, а в Московской Руси в это время не является необычным из-за того, что знание латинского алфавита было весьма ограничено; ср.: А. В. Позднеев. *Рукописные песенники XVII–XVIII вв.* Москва 1996, а также: Н. Rothe. Eine «polnische» Lieder-Handschrift in Moskau. // *Beiträge zur slawischen Philologie: Festschrift für Fred Otten* / ред. W. Gladrow, D. Stern [=Berliner Slawistische Arbeiten, 31]. Frankfurt a. M. 2007, с. 83–95.

¹⁹ Ср.: D. Stern. *Die Liederhandschrift*, с. 509.

тенденция, что народно-языковые оригиналы реализуются на народном языке. Тем не менее, в данной статье были обнаружены и обсуждены любопытные отклонения от этого основного правила.

Выводы

Подводя итоги, нельзя обнаружить какие-то надежные критерии для языкового осуществления перенесений, ни для латинских, ни для народно-языковых источников. Сакральность или «народно-языковость» оригинала не является надежным во всех отношениях детерминантом для осуществления языка рутенских песен. Все же, несомненно, что в обеих случаях западно-славянские культуры «виконували функцію своєрідного ретранслятора латинської паралітургічної спадщини»²⁰. Этот факт в очередной раз указывает на сверхнациональный характер²¹ славянских духовных песен и необходимость их междисциплинарного анализа.

MISCELLANEA

²⁰ Ю. Медведик. Латино-польсько-словацькі елементи в українській духовній пісні, с. 253.

²¹ Ср. А. Rabus. *Geistliche Gesänge*, с. 484.